

Уже стемнело, и меня раздражало, что луна светит ярко, хотя это еще не полнолуние; когда-нибудь оно наступит, и почему-то этот факт раздражал меня до крайности. Мне казалось, что мои нервы все время на пределе. Все заставляло меня дергаться. Это странное чувство в моем сознании становилось все сильнее. Оно

Оно словно пробудилось, распрямилось. Я почти мысленно представил себе это. Я был тощим, как скелет, но мое тело, казалось, работало очень хорошо; я был удивительно гибким и мог делать больше, чем думал. Я удивлял себя довольно часто. Я подошел к окну. У меня был свой маршрут, по которому я ходил, и я укреплял себя. Несмотря на то что я делал как можно больше, я быстро восстанавливался, но это также усиливало мой голод.

Мое тело словно ожило и теперь работало со сверхскоростью. Мой слух был раздражающе хорош, и я раздражался, когда что-то слышал. А мои рефлексы... Скажем так, в этом заведении не было ни одной мухи или жука, хотя можно было поклясться, что медсестры специально приносили в палату мух, пауков или еще каких-нибудь насекомых.

Я смотрел в окно и вздыхал, как вдруг голос в моей голове произнес.

"Нам нужно подготовиться. Поначалу все будет непросто".

Это отличалось от моего собственного внутреннего диалога. Это были не мои мысли.

К чему готовиться? Что будет сложным? задался я вопросом. Отлично, подумал я. Я совсем сошел с ума, и теперь в моей голове звучит голос, который говорит мне готовиться и предупреждает, что будет трудно.

Голос в моей голове сказал: "Я тебя предупреждал, готовься, не сопротивляйся, просто позволь этому случиться. Так будет проще. Просто расслабься и позволь этому случиться. Ты все равно ничего не сможешь с этим поделать".

Я задумался о том, к чему мне следует готовиться, а с чем не бороться. Я спросил, нет ли у меня в черепе передатчика, а у какого-нибудь доктора чертовски много времени. Если это вообще работа гребаного психиатра. Пытается снова промыть мне мозги и заставить довериться голосу в голове.

Затем ударила боль. Я рухнул на колени и почувствовал, как огромная судорога свела мою вторую ногу. Казалось, будто колено вывихнуто. Боль пронзила спину и плечи. Судороги били повсюду, и я слышал, как мои суставы вывихиваются и выкручиваются в разные положения под действием силы судорог. Я недоумевал, как, черт возьми, они это со мной делают.

Голос в моей голове успокоил меня. "Ты молодец, вот и все, просто расслабься, позволь этому случиться, позволь мне выйти. Расслабься, дыши, просто позволь этому случиться и позволь мне выйти; все в порядке. Все будет хорошо".

Я не мог сопротивляться. Я просто пыталась удержаться, когда боль охватила меня со всех сторон; мое лицо болело, и я держала глаза закрытыми. Казалось, что мой рот внезапно наполнился зубами; я опустился на четвереньки, но каким-то образом встал на пальцы рук и ног, и моя кожа зудела, словно была усеяна чем-то колючим. Я держал глаза закрытыми и откуда-то понял, что меняю форму. Но в какого монстра? И как, для чего?

В конце концов боль прекратилась, и я почувствовал, как это другое существо в моей голове берет под контроль мое тело. Я как бы отошел на задний план. Я получал какие-то ощущения от своего тела, но не контролировал себя.

В конце концов мои глаза открылись, и я увидел, что смотрю на мир почти на том же уровне, что и мое человеческое тело. Я был каким-то гигантским существом.

Я наблюдал за тем, как другое существо проходило перед зеркалом. Я был волком. Я был огромным волком. Я был трехцветным: основной цвет - белый, затем красные и черные пятна. На правом плече у меня была черная и блестящая нашивка. В остальном мои цвета были немного бледнее. А еще я был пушистым и длинношерстным, как обычно. Довольно длинная, и это напомнило мне об одной из моих кошек.

Другая жила со мной долгое время, пока меня не похитили, и не началось все это безумие. И почему-то это имя очень подошло бы оборотню, но посмотрим, что понравится этому волку. Я попыталась понять, кто мой волк - девочка или мальчик.

Голос в моей голове сказал, довольно забавно: "Я девочка, не волнуйся об этом. Это довольно большой опыт - впервые выйти наружу, учитывая, что я только что родился в твоём разуме".

Я сказал: "О, вы родились или были? Ну, я ничего не знаю о том, как создаются оборотни, но ладно, тогда я оборотень".

Я спросил об этом у своего второго разума. "У тебя есть имя?"

"Нет", - ответил волк.

"Тогда могу я предложить? Я Мими. Твой окрас напоминает мне об одном очень дорогом мне существе; у нее был очаровательный характер. Хотел бы ты, чтобы тебя называли Мимозой?"

"Мимоза", - задумчиво произнес он, - "Мне это нравится".

"Хорошо, приятно познакомиться, Мимоза. На твоё имя меня вдохновила одна из моих кошек. Она была очень голосистой, с длинной шерстью и трехцветной окраской".

Я почувствовал, как Мимоза порылась в моих воспоминаниях о кошке, и она сказала: "Забавный случай, это большая честь - быть названной в честь этого существа. Но сейчас нам лучше привести себя в порядок, если мы хотим выбраться отсюда. Хорошо, что я длинношерстная. Я смогу выдержать холод, когда мы будем бежать."

Мимоза тоже была худой, борзой, и я отчетливо видела каждое ребро под её шерстью.

Мимоза сказала: "Мы не в лучшей форме, но мы должны подождать, чтобы стать сильнее и выбраться отсюда".

Мимоза обнюхала каждый квадратный дюйм комнаты и на некоторое время позволила мне взять бразды правления в свои руки. Ходить по-волчьи поначалу было непривычно, поэтому, когда у меня появились четыре ноги и хвост, не стоило слишком задумываться о том, как ими двигать, потому что пару раз я падала, пока тренировалась.

Мимоза сказала: "Сейчас ты, наверное, еще не можешь менять форму, разве что в полнолуние, но ты будешь тренироваться, когда мы станем сильнее. Потом ты сможешь менять форму и без полнолуния, но в полнолуние будешь постоянно меняться. Но у тебя довольно доминирующая и сильная личность. Посмотрим, кем мы станем. "

Я не считал себя доминантом, нет, я всегда был тем, кто подчинялся и слушал приказы, но, возможно, все эти переживания изменили меня и мою натуру, и я уже не такой покорный.

Мы упражнялись всю ночь напролет, обнюхивая и сканируя комнату. Мимоза тоже изучала, на что она способна, и явно сбегала. Ей не нравилось оставаться здесь дольше, чем нужно, но мы должны были укрепить себя и дожидаться следующего полнолуния, чтобы сбежать. В то же время я осваивал свою новую жизнь и способности.

Моя ярость была ощутимой, но это была моя ярость; Мимоза сказала: "Это всего лишь твоя ярость; возможно, когда-нибудь у меня появится своя ярость, но не сейчас. Для меня это все еще в новинку; я не обычный волк". Оборотень редко разговаривает с человеком. Это скорее связь чувств, которую человек использует, чтобы держать волка внутри себя в узде. Мы не разговариваем, но мы - уникальные личности. Уникальная, и этот чертов пухляк даже не подозревал, насколько уникальными мы стали".

Мимоза выглядела немного раздраженной, когда говорила о пухляке Сатане, и тут я поняла, что моя волчица видит мои воспоминания и переживания. Она знала, через что мне пришлось пройти. Ночь наконец-то закончилась, и переодеваться в свою форму было так же больно. Это произошло против моей воли, когда луна начала убывать. Наконец, обессиленная, я забралась в постель и уснула.

Доктор Морриси всю ночь наблюдал за тем, как Омега успешно меняла форму и двигалась, даже съела что-то, просунутое через люк в комнате. Омега всю ночь возилась в своей волчьей форме, но все же сумела превратиться обратно в человека.

Эта волчья форма была впечатляющей и большой, и доктор Морриси был более чем доволен внешним видом объекта; очень похожая на собаку природа объекта послужит идеальным оружием, поскольку никто не заподозрит, что этот пушистый, хотя и огромный, человек - убийца. На рассвете он отправился вместе с охранниками и выпустил в объект три мощных дротика с транквилизаторами.

Затем они отступили на пятнадцать минут, чтобы подождать, пока препарат подействует. Он подействовал. Объект даже не шелохнулся. Они убрали дротики, обездвижили объект и начали брать многочисленные образцы. Они осматривали и сканировали объект, измеряя множество различных параметров, а доктор Морриси ждал момента, когда он сможет осмотреть объект в середине трансформации. Он удалился, чтобы изучить результаты, а Омегу снова поместили в палату с успокоительным и вливанием питательных веществ.

В конце концов я очнулся с головой, полной ваты, и обнаружил, что нахожусь под другой капельницей. Я вырвал руки из фиксаторов и вырвал канюлю. Я завязал трубку узлом, уничтожил пакет и пошел мыть его. И быстро. Канюли, ограничители и капельницы были тем, что полностью выплеснуло мою ярость на поверхность.

В палате был элементарный душ, что было даже лучше, чем ничего. Я обнаружил, что снова покрыт швами, но некоторые раны явно заживали, и я вырвал из них швы.

Мимоза сказала в моей голове: "Скорость заживления у нас сейчас гораздо выше, чем у людей, так что ты будешь заживать быстрее, но это съедает калории, так что тебе придется не забывать есть".

Я надела ту одежду, которую смогла найти, и осталась лежать в постели в ожидании еды, стараясь сохранить силы. Я все еще был немного одурманен, а душ был чертовски болезненным, но, по крайней мере, мне удавалось оставаться в сознании.

В конце концов в двери открылся люк, и в него просунули поднос. Я с жадностью взяла его и съела все. Мы пытались стать сильнее, научиться работать вместе и контролировать себя. И я

поймал себя на мысли, что теперь это не только я, но и мы: я и Мимоза были вместе, и, как говорится, сотрудничество - это сила.

День за днем мы становились сильнее. Я экономил силы, как мог. Я ел и ел. Одновременно я пытался придумать хороший план побега, и теперь у меня было преимущество - я мог передвигаться, но мы решили сбежать в следующее полнолуние в виде Мимозы, так что у нас получился долгий побег.

Меня почти каждый день оглушали газом, и не раз результатом этого становились швы где-то в теле. А еще у меня был первый урок серебра, когда стражник выстрелил в меня серебряной пулей. Черт возьми, как больно. Рана не заживала. Она почти дымилась. Они оставили пулю в моем боку на четыре дня. Потом просто вынули пулю. Я был такой чертовски хорошей мишенью для повторного обследования.

И каждый раз, когда я просыпался, капельницы, канюли все разрушались, я принимал душ, когда мог, и обнаруживал, что лекарства действуют на меня все меньше и меньше. Моя ярость на капельницы и канюли была так велика, что я растоптала их. Я разорвал их в клочья, хотя мог бы попытаться выпить их и получить из них питательные вещества, но нет, эта идея просто не пришла мне в голову.

Еще я заметила, что меня мучают кошмары, и я могу подпрыгнуть в сидячем положении, а когда проснусь и обнаружу, что все еще нахожусь в плену, мне покажется, что мои глаза пожелтели от ярости. Мимоза тоже отреагировала на мои кошмары, и в ней начала развиваться собственная ярость. Мы обе трахались так охренительно сильно одновременно.

Серебро значительно ослабило меня. В тот момент я решил избегать его - неудивительно, что мужчины на борту были бледными и уставшими. Серебро действовало долго. Следующий эксперимент был аконитом. Как только рана от серебра затянулась, охранник уколол меня аконитом.

Меня тошнило 48 часов, и я ничего не мог сделать. Ученые приходили брать образцы крови и измерять различные показатели, пока меня рвало и я лежал в постели в приступе бессильной ярости. Как только я привожу себя в какую-то форму, всегда что-то случается.

Придя в себя, я подумал: "Отлично, похоже, у меня тоже есть криптонит, и притом плохой. Но это хороший урок".

До полнолуния оставалось всего несколько дней, а до побега - всего несколько дней. Время года было самое сердце зимы - январь. Ночью было до -40 градусов по Цельсию, а днем -20-30 градусов по Цельсию. Все, что я видел, - это выход, путь к свободе.